

Владимир Чередниченко
Силуэт

О жизнь! Благодарю за берега.

Где не ступала смертного нога.

К. С. Герасимов

Сонет № 130 из книги «Ars moriendi»

Вот он сидит на фоне книжной горки — нет, книжной Горы — в доме, расположенном на одной из кривых верийских улочек, — такой доступный для общения, что самые близкие из учеников отваживаются обратиться к нему на «ты» (о ужас! амикошонства он не терпел) и такой непрístupный для всех и каждого в отдельности, ибо — и об этом самые проникательные догадываются — его взгляд устремляется из мира мнимостей куда-то мимо вас в мир сущностей, куда каждая книга подобно эдгаровскому Ворону отбрасывает свою сокровенную тень. Всякий, кто приближался к подножию этой Горы (преодолев Джавахишвилевский подъем!), испытывал смущение, глядя на ее вершину, ибо даже мысленное восхождение на нее вызывало ощущения, близкие к головокружению. Всякий — но не сам хозяин, который с раннего детства «старинных книг» вдыхал «неуловимо горький аромат», «сафьян лаская переплетов редких».

Воздвигать Гору начал еще его дед, работник небольшой тифлисской типографии, отставной военный и страстный библиофил.

Дом Котика (так ласково звали его за глаза ученики) был стар, живописен и тих. Именно в таком доме мог обитать (и обитал на самом деле, ибо что такое всамделишность?) «хранитель рукописей» и враг суеты, последний «собеседник» поэта, его «собрат» и «коллега» — мудрый кот (кот Котика!). Во всем облике Константина Сергеевича сквозил тот самый аристократизм духа,

который Эдгар провозгласил уделом избранных. На лекции он приносил вещи, сводившие студентов-семидесятников с ума — это были альдины, эльзевиры и даже новгородские берестяные грамоты. Тот, кто дотрагивался до этих сакральных предметов, заражался болезнью книгоискательства (что хуже кладоискательства), от которой страдало целое поколение и избавиться от которой было труднее, чем от алкоголизма или наркомании. В его го- лосе, стиле одежды и манере держаться было нечто неискорени- мо старомодное и неистребимо снобистское (еще один штрих — он обожал поэзию Киплингa). С провинциалами духа он не об- щался, профанов не жаловал. Социальное положение человека его не интересовало — в его гостеприимной гостиной можно было встретить и важного сановника, и философствующего бро- дягу. Известно, что своим вниманием его одаривал сам Святей- ший Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия Второй.

Судьба каждого истинного тбилисца очень тесно связана с судьбой города — уникальная, присущая одному лишь Тбили- си, творческая атмосфера свободного «платоновского» общения и великодушных уступок не могла не оказать своего благотворно- го влияния и на Константина Сергеевича, воспитанного на тради- циях русской культуры.

Курс по истории книги едва ли можно было прочесть лучше Герасимова, ибо на ладонях его покоился «ultima ratio» — живая инкунабула (или почти инкунабула). К Валерию Брюсову и вооб- ще к русскому символизму он сохранял пожизненную приязнь, если не сказать, любовь, еще со времен защищенной им под ру- ководством Игоря Поступальского брюсовской диссертации. Его далеко не традиционная филологическая ориентация сказалась в стремлении исследовать научные (и, прежде всего, физи- ко-астрономические) идеи русских поэтов (статья «Из истории научно-философских интересов русских поэтов XVIII века») — правда, здесь он почему-то продемонстрировал грубо-материа- листический подход вольтерианского толка. (Герасимов-поэт и Герасимов-ученый могли конфликтовать). Бесспорно одно — именно служение Сонету как Прекрасной Даме составляло глав- ный подвиг этого рыцаря нерыцарской эпохи: «...или приснит- ся / В сонета глубине мне одному / Неведомое стольким лжепро- видцам?» («Сонет к интуиции»). Ряд его статей по диалектике ка- нонов сонета (в первую очередь, «Сонет в творческом наследии

Валерия Брюсова» и «Диалектика канонов сонета») — едва ли не лучшее, что написано на эту тему. Он был инициатором проведения Первого Международного симпозиума по сонету в Тбилиси и редактором специально подготовленной к симпозиуму книги по сонету (Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета / Редакторы: О. А. Баканидзе, Г. Д. Джавахишвили, К. С. Герасимов. Тбилиси, 1985). После К. С. Герасимова говорить о сонете как об одной из твердых стихотворных форм в ряду других как-то неудобно. Он сумел поверить гармонию сонета ему одному ведомой алгеброй, и это не канет в пустоту.

К. С. Герасимов не нажил больших материальных благ и не стяжал громкой славы. Он не был удостоен высших ученых степеней и званий, хотя профессора почитали за честь снимать перед ним шляпу. Энциклопедии и справочники стыдливо умалчивают о К. С. Герасимове, хотя вместе с ним ушел очень специфический пласт культуры. О том, что он пишет стихи, знали только самые близкие. Как бы подводя итоги жизненному пути, он решился-таки выйти со своим единственным — но каким! — сборником (Константин Герасимов. Из глубины: Избранное (1947—1987). Тбилиси, 1992) к своему читателю, для которого знание латыни есть знак отмеченности. Книги многолетней выдержки, как и коньяки, вызывают невольное уважение. На единственной предваряющей текст фотографии поэт изображен на фоне все той же знаменитой книжной Горы. Взгляд его строг, хотя и лишен обычной метафоричности — она как бы без остатка «одолжена» тексту. Поэзия для Герасимова — это смычка двух крайних полюсов, это «Вавилон» и «Иерусалим», это «кандалный звон» и «всезвездная корона», это «слепящий блеск алмазного венца» и «тьма». Начав свое программное стихотворение скептическим зачином-аллюзией «Поэзия — слова, слова, слова», он завершает его торжественно-патетически «А прочее все — ложь», как бы вторя галактионовскому «Поэзия — прежде всего» (1920). Без преувеличения можно сказать, что вошедшая в сборник стихотворений Герасимова книга из поделенных на семь разделов и 17 циклов 154 сонетов «*Arts moriendi*» (искусство умирать) — уникальное творение Мастера, не просто дань «любви к несравненным сонетам Шекспира», как он пишет в примечаниях, а мистический роман «пасынка века».

Мой город мертвецов, который раз
Стою я в одиночестве безмолвном
У стен из книг, у книжных башен, словно
Последний луч над ними не угас...

Как будто не руины мой некрополь
В слепой пустыне непроглядной тьмы,
Как будто можем, смеем помнить мы
Немые эпитафии Европы.

Кого же по развалинам твоим,
О Город Книг, к святилищам забытым
Вести, кому на полустертых плитах
Читать о том, что был — и спинул — Рим?

Один, один в конце земных путей,
Кого я жду в предсмертной темноте?
(Сонет № 7 из книги «Ars moriendi»)

В его неповторимом Городе Книг видное место занимали «кварталы» Эдгара По. К творчеству великого американца К. С. Герасимов обращался не раз. Эпиграфом к 100-му сонету из «Ars moriendi» служат строки «Annabel Lee», а заключительное двустихие сонета венчает образ «Королевства на краю земли». Предлагаемое вниманию читателей стихотворение «Nevermore» (1984) не вошло в книгу стихотворений К. С. Герасимова 1992 г. Оно носит слишком личный и провиденциальный характер, чтобы играть в собрании роль элемента некоего множества. (Вообще же концепт «Никогда» — один из главных в творчестве Герасимова). История получения автографа такова. По моей просьбе поэт и переводчик Владимир Саришвили (один из близких учеников Герасимова) передал Константину Сергеевичу первый эдгаровский сборник (Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования /Ред.-сост. В. И. Чередниченко, Ю. В. Лучинский. Краснодар, 1995. Вып. 1) с моей дарственной надписью. В письме я приглашал его к сотрудничеству. Не верилось, что дни его сочтены. Он нашел силы написать ответное (по всей видимости, свое последнее) письмо, приложив автограф со стихами. В письме, между прочим, сказано: «Огромное спасибо за чудесную книгу! Поздравляю с ее изданием. Это прекрасный дар всем, любящим Эдгара По! Рад, рад за Вас! Мои дела теперь довольно плохи: тьма,

голод, холод, нищета, да еще неважно со здоровьем. Да еще отсутствие свободной минуты — для себя лично, своих дел. Посылаю лишь стихотворение» (письмо от 8 февраля 1996 г.).

Глубоко символичным оказался этот последний дар поэта и ученого.

В солнечном городе, где каждый день — праздник, уверенной рукой выводил Мастер катрены отчаяния и терцеты тоски, не забыв ни одной из «внежизненных обид». И хотя «рожденный на рассвете» сонет Герасимова, по его собственному признанию, «зачат во тьме», без света он обойтись не может. В эти минуты «из глубины» сердца поэта вырывается благодарение:

Но, жизнь моя, спасибо за рассвет,
За то, что долго шел в кипящей пене,
За то, что опустился на колени,
Увидев на песке твой узкий след.
(Сонет № 130 из книги «Ars moriendi»)

Константин Герасимов

Nevermore (Эдгару По)

Казавшегося бесконечным детства
Я миновал неведенье едва,
Как предъявило на меня права
Отчаяния давнего наследство.

Земного «рая» глад, и меч, и мор,
И что присниться не могло былому...
Так чьей души обязан я надлому
Донесшимся из мрака «Nevermore»?

Нет. Беспощадней встреч или разлук,
Неведомых уделу моему,
Мольба так и не встретившихся рук,
Из темноты протянутых — во тьму.

А за рефрен — благодарю, все чаще
Перед концом путей во мне звучащий.

Июнь 1984